

Г.В. Судаков

Вологодский государственный университет

«ПЛЕТЕНИЕ СЛОВЕС» КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ «ЖИТИЯ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО»)

Проблема «плетения словес» рассматривается на материале краткой редакции «Жития Стефана Пермского», представленной в кирилловском сборнике 1644 года. Данный список анализируется впервые. «Плетение словес» оценивается как литературно-языковой феномен, основным приемом создания которого является повтор, разнообразный по выбору модели и по лексико-грамматическому наполнению, утверждаются три принципа «плетения словес»: тождество, противопоставление, сходство.

История русского литературного языка, книжно-славянский тип языка, житие, три принципа «плетения словес»: тождество, противопоставление, сходство.

Введение

Жития – основной материал для формирования и презентации стилистики «плетения словес». В творчестве Епифания Премудрого (вторая пол. XIV – первая четверть XV в.) «плетение словес» достигло наивысшего развития. Интересующее нас произведение имеет полное название «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископом Макарием в великие Четьи минеи.

«Слово о житии...» дошло до нас в двух десятках полных списков и почти в тридцати сокращенных. В задачи нашего исследования входит введение в научный оборот не учтенного ранее филологами сокращенного списка Жития, выполненного и включенного в состав Сборника в 1644 году монахом Кирилло-Белозерского монастыря Иларионом (в миру Третьяк Самсонов). Сборник включает в себя более десятка житий и других четьих книг. В настоящее время хранится в Государственном архиве Вологодской области (ГАВО) в составе библиотеки архива.

Житие Стефана Пермского активно изучалось историками литературы. Обобщающая статья историко-литературоведческого содержания опубликована Г.М. Прохоровым [8]. В статье, в частности, отмечались следующие речевые особенности произведения: обильное цитирование (340 цитат, из которых 158 – из Псалтыри), игра словами, внимание к оттенкам смысловой и звуковой, музыкальной стороны, искусные вариации на темы отдельных слов, использование созвучия окончаний и «равнопадежья» с целью ритмизации текста, перенасыщение текста метафорами, эпитетами, сравнениями, которые выстраиваются в длинные ряды. В изучение этих особенностей большой вклад внесла О.Ф. Коновалова [7].

Композиционно Житие состоит из введения, основного повествования (17 главок) и риторического завершения, в котором есть несколько оригинальных произведений, выходящих за жанровые рамки жития: «Плачь церкви Пермския, егда овдове и плакася по

епископа си», фольклорные мотивы которого связаны с похоронными плачами вдов и невест. В целом же заключение содержит три стилистических потока: фольклорный, летописный и житийную похвалу. Анализируемое произведение не имеет обязательных для жития сведений о чудесах.

Исследование

Исследуя структурные элементы «плетения словес», ученые рассматривают или отдельные речевые средства, из которых формируется словесно-художественное полотно «плетения словес», или описывают оригинальные приемы употребления речевых средств, что и составляет особенности данной манеры создания текста (традиционное выражение *стиль «плетение словес»* оставляем без толкования, имея в виду конечные результаты: тождество, противопоставление и сходство). Таким образом, речевые средства, особенности и результат их употребления – это и есть предлагаемая характеристика создания текста путем «плетения словес», что является новацией нашего исследования.

Учитывая рамки журнальной статьи, постараемся описать и минимально проиллюстрировать речевые средства, особенности их употребления и получаемые лексико-семантические результаты. При этом будем проводить различие между составляющими, входящими в ту или иную группу.

Приведем в алфавитном порядке перечень образных средств, используемых Епифанием Премудрым и его последователями (всего 18 групп):

- амплификация,
- анафора и эпифора (общее греческое название *гомеоарктеоны*),
- ассонансы и консонансы (звукопись),
- многокорневые слова (*composita*),
- синтаксический параллелизм,
- стилистическая симметрия,
- кольцо, лексические повторы,
- словообразовательные повторы,

- лексическая синонимия,
- антитеза, цитация (прецедентные элементы),
- пример, авторское отступление,
- метафора,
- эпитет,
- сравнение,
- перифраза.

Следует учесть, что Епифаний следовал заветам античных раторов, где наиболее логичной является классификация фигур, предложенная Гервасием Мельклейским [4, с. 136]. Произведение Георгия Хировского «О образех», на котором могли бы изучать риторические фигуры древнерусские книжники, было впервые опубликовано в Изборнике Святослава 1073 г.

Мы предлагаем функциональный подход к классификации изобразительных средств:

- ограничение (сужение смысла) или стилистическая симметрия, конкретизация, уточнение: лексическая синонимия, амплификация;

- уподобление: метафора, эпитет, сравнение, перифраза;

- суггестивизм (удержание смысла и поэтического ритма): синтаксический параллелизм, разнообразные модели повторов (как крайние случаи: единоначатие и единоокончание фраз), цитация (прецедентные элементы), см. описание в книге: [3, с. 224–254];

- звукопись.

Упрощая эту классификацию, все риторические приемы древнерусских книжников объединяем в три группы: 1) **повтор** (принцип тождества); 2) **противопоставление** (принцип противоположности); 3) **сходство** (аналогичный принцип).

В первую группу войдут следующие средства:

- **структурные повторы**: гомеарктеоны, синтаксический параллелизм, стилистическая симметрия, амплификация, на периферии – звукопись, кольцо, корневой повтор;

- **семантические повторы**: лексическая синонимия, цитация, звукопись, на периферии – корневой повтор.

Вторая группа представлена приемом лексическая антонимия и второстепенными средствами: синтаксический параллелизм, аффиксная мена.

При описании исследуемого материала термины используются в следующих значениях:

принцип построения текста – это способ, посредством которого организуется текст;

средство – это основной прием, с помощью которого реализуется тот или иной принцип построения текста;

традиция использования – указание на жанры литературы, в которых используется данное средство.

Начинаем с **повтора (или тождества)** как принципа создания текста, тождество широко использовалось в гимнах и псалмах. Повтор в художественном тексте определяет его связность и цельность. Любое формальное повторение имеет целью акцент на семантике повторенного элемента, поэтому разделение повтора на структурную и семантическую разновидности в значительной степени условно. Благодаря повтору в произведении появляется особая ритмика, особенно заметная при устном воспроизведении текста. О поэтике повтора см.: [1; 5].

Главное средство (или епифановский прием), реализующее повтор, – это разновидности структурных повторов, которые начинаются с синтаксического параллелизма и заканчиваются повтором одинаковых частей слова. Структурный повтор – это повторение формы или структуры в небольших смежных частях текста, выполняющее выделительную и усилительную функции.

Синтаксический параллелизм – особое синтаксическое построение текста, при котором, благодаря параллельному расположению частей, возникает смысловая параллель между предметами и явлениями, названными в этих частях. Параллелизм часто используется в древнерусских текстах вместе с повтором, анафорой, эпифорой, стилистической симметрией. Традиции параллелизма: устно-народная и византийско-книжная счастливо соединяются в древнерусских текстах XIV–XV вв. Синтаксический параллелизм пронизывает весь текст ЖЕП, где насчитывается около 150 подобных случаев. Это свидетельство функциональной значимости приема как текстообразующего, как фундамент для других средств речевой выразительности.

См. примеры синтаксического параллелизма (вертикальной чертой обозначен конец фразы, чтобы подчеркнуть звуковую организацию текста): *Будет град великий многочеловечень / и вера хрстова возсияет / И церкви святыя возградятся / и монастыри устроятся* (л. 161 об.). В данном примере позиции субъектов замещены существительными со значением «вера». Глаголы же имеют семантику возрождения. Получается два ряда слов: *аера – церкви – монастыри; возсияет – возградятся – устроятся*. Благодаря существованию рядов происходит семантическая компрессия, описанная в работе [9]. Модель троичного построения В.В. Колесов назвал «триадой», имея в виду, что здесь соотносятся слова одной части речи (чаще глаголы) [6].

См. следующий пример: *Они же убо в сладости послушаша учение его / и и с радостию прияша проповеди его / и со тцанием вероваша словесем его* (л. 182 б); *Яко боги наша испоругалъ еси / И храмы ихъ разрушилъ еси / И огнемъ пожеглъ еси / И службу и честь нашу избесчествовалъ еси* (л. 194).

Бывает так, что иерархия членов триады передается через гиперонимические отношения и имеет склонность к уточнению, см.: *Бгъ мира да управить путь мой / Да исправить стопы моя / И направит ноги наша на путь мирень* (л. 164 об.).

При повторе одинаковых синтаксических конструкций возникает **стилистическая симметрия**, характерная также для псалмов, см.: *И покушашеся идолы ихъ разорити / И оопроверже требища ихъ / И боги ихъ раскопа / И божиею силою нарочитую ихъ / Кумирницу пожже / И пламенемъ запали ихъ* (л. 176). Стилистическая симметрия не сопоставляет два разных явления, но дважды говорит об одном и том же, повторяет другими словами, происходит остановка повествования, зато акцентируется внимание на объекте. В Житии Стефана Пермского обнаружено 52 случая стилистической симметрии.

Что касается отдельных моделей, то можно говорить об отражательном (зеркальном) типе модели, например: *Изучися Гречестеи грамоте Книги гре-*

чески извыче (л. 158 об.); умея глаголати тремя языками тако же и грамоты три умеяше (л. 158 об.). Одновременное использование двух образных средств – синтаксического параллелизма и стилистической симметрии – усиливает выразительность текста, например: *Да стадо Христова растеть и множитя по вся дни а неверных стадо паче умалятися и оскудевати* (л. 183 об.).

Стилистическая симметрия может выражаться без осложнений: *зело желаше и велми хотяше шествовати* (л. 158 об.); *собери люди твои расточенныя и призови овца твоя заблуждѣшая* (л. 170 об.); *велми печаловаше и зело тужаше* (л. 173). Как видим, стилистическая симметрия имеет цель ограничения и сосредоточения внимания автора и читателя на определенном явлении.

Повтор синтагм также усиливает смысловое выделение значащих фрагментов текста: *Отрокъ добротумичень зело / преспевающе же душевнымъ разумомъ / И вперстою телесною / И благодатью* (л. 135 об.).

Епифаний Премудрый использует и повтор финальной части слов (гомеоарктеон): *приставаше – внимаше, водворяшеся – отвращашеся* (л. 135 об.).

Повтор сложных слов внутри небольшого фрагмента текста имел целью усилить смысловую или стилистическую значимость данного отрывка, например: *благоволения, долготерпения, любомудрия* (155 об.).

Умело используются в тексте фонетически близкие приставки: *супротивления и сусловия* (л. 192 об.); *прения препрети и прельстити* (л. 188 об.). Звуковые повторы усиливают семантическую значимость корня или предлога, например: *противитися противу смыслу и разуму* (л. 189 об.); *тмы тмами, тысяца тысяцами, множаши множашеся* (л. 193 об., 178, 164).

Гораздо богаче смыслами и такие семантические усилители, как семантические повторы. Ср., например, лексическую синонимию: *помоляся Бгу и сотворив молитву* (л. 176). Семантический (смысловой) повтор – это повторение смысла в смежных частях текста, что вызывает эффект «приращения смысла» за счет разнообразия дифференциальных сем. Частичное или полное совпадение смысла в подбираемых словах сближает позиции автора и читателя.

К семантическим повторам можно отнести лексическую синонимию и цитацию. Лексическую синонимию исследователи давно отнесли к «фирменным» особенностям «плетения словес». Многообразны и функции этого повтора: ограничение или усиление полноты смысла (отсюда впечатление «словесной сытости»), подчеркивание ритмики текста. Ср. также: [2, с. 128].

Цитация как прием усиления выразительности текста имеет своей основой такое мерило истины, как Священное Писание. Сравнение текстов ЖСП и Священного Писания неоднократно выполнялось литературоведами и богословами.

Рассмотренные языковые средства в целях усиления выразительности часто употребляются одновременно, например: *И бози твои падением падоша и не восташе / Низриновением быша и не могут встати / Сняты быша и падоша / Мы же востахом и прости быхом* (л. 189 об.). Здесь есть лексический повтор, амплификация, синтаксический параллелизм, эпифора, лексическая синонимия и сравнение.

Принцип противопоставления – это не только риторический прием, но и один из принципов христианского мировосприятия. Ср. оппозиции: мир материальный, тленный – мир невидимый, нетленный, миг – вечность, добро – зло. Дуализм мировосприятия предполагает двойственность человеческой природы: тленное тело и вечная душа. Таким образом, классическая риторика и библейская поэтика сошлись в своих взглядах на антитезу. Антитеза – это поэтический прием, участвующий и в построении текста, что часто демонстрировал Епифаний Премудрый. В тексте ЖСП антитеза носит тематический характер. Она может реализовываться антонимами, противоположными аффиксами при одинаковости корней, с помощью сопоставительной или противительной конструкции, с помощью зависимых слов.

Антитеза (противопоставление) реализуется приемом синтаксического параллелизма, повторим еще раз предыдущий пример: *И бози твои падением падоша и не восташе / Низриновением быша и не могут встати / Сняты быша и падоша / Мы же востахом и прости быхом* (л. 189 об.). В различении оппозитивов помогает, как видим из этого примера, прием синтаксического параллелизма, с помощью которого выделены для читателя сопоставляемые предметы.

Какие основные сопоставления в ЖСП? Тело – душа, идольская прелесть – вера христианская, тьма – свет. Последняя оппозиция является традиционной для православия, она наиболее абстрактна, основана на метафорах – символах, где первый член представлен словами *тьма, сень, геона огненная*, а второй – синонимическим однокоренным рядом: *свет, светлыи, светлыи, светить*.

Значимым противопоставлением является конкретная оппозиция верующих христиан и язычников. Напомним, что произведение рассказывает о миссионерской деятельности Стефана в среде некрещеных пермян. В лексике это выражается неоднократно: *некрещеные люди, люди неверныя, неверныя человеки, идолослужители, суетныя, помрачени тмою, тяжкосердши, нечестивыя, иноязычницы неверныя – христиане новокрещеныя, крещеныя пермяне*. См. сопоставление двух частей пермского народа: *и лучися разделятися и раздвоитеся народу на две части; единая страна нарицашеся христиане новокрещеныя, а другая часть звахуся кумирслужительницы и неверныя* (л. 179 об.–180). Обратим внимание и на семантику глаголов, так как с них начинается противопоставление: *звахуся* – прошлое длительное состояние, *нарицашеся* – целиком завершенное, единичное действие. Продолжим наблюдение: *И не бе промежу ими согласия но распри / и несть мира в нихъ но разногласие* (там же). За счет употребления не в полной мере противоположных слов благодаря корневому повтору *-глас-* образуется замкнутая, кольцевая структура.

Ср. далее: *Того ради кумирницы ненавидяху христианъ и не любяху во единстве быти* (там же). Вначале подводится итог предыдущего *того ради*, затем лексически выражены постепенно сближающиеся оппозиты *ненавидеть – не любить*. Следующая ссылка на Священное Писание представляет сложную риторическую фигуру из четырех оппозиций: *яко же Павелъ апостоль рече / Кая часть есть свету со*

тмою / или кое причастие есть верну с неверным / или кое общение церкви бжии со идоды, / или кое согласие истине з беззакониема (л. 190). По сути, четыре оппозиции представляют одно противопоставление добра и зла, веры и неверия. В словах *причастие, общение, согласие* актуализируется сема «совместность». Рассмотренные примеры демонстрируют тесную связь принципа противопоставления с принципом повтора.

Приемов для выражения **сходства** гораздо больше. Как в фольклоре, так и в религиозных текстах (Священное Писание, жития) распространены сравнения: *Он же и скочи от нихъ яко елень* (л. 206); *Язь же яко маслина плодовица в дому господни* (л. 157).

Перифразы менее частотны, они употребляются в именовании Бога: *сотворитель небу и земли* (л. 178), *млсрдый чклолюбец* (л. 182 об.), *человеколюбче всемогаи* (л. 170 об.).

Метафора как прием была хорошо освоена в фольклоре и Священном Писании. См. пример из ЖСП: *Зубы ихъ оружие и стрелы / Языкъ их меч остръ* (л. 170). Метафора являлась традиционным средством риторической убедительности и образности. Из двух функций метафора-эпитет и метафора-символ в древнерусской литературе побеждает первое, связанное с фольклором. В то же время формируется новое содержание христианской символики, основанное на уподоблении человека и его духовного мира небесным светилам, природным стихиям, миру живой и неживой природы.

Рассмотрим с учетом предмета уподобления две группы метафор в ЖСП: уподобление человека растению без его активного участия, уподобление человека растению с учетом его активного, творческого поведения (*делатель, сеятель*). Приведем примеры растительных метафор: *бысть яко древо плодовице; и плод свои дастъ во время свое кия же плоды духовныя* (л. 156 об.). Зооморфная метафора – дань библейско-византийской традиции. Уподобление идолов волку, людей стаду овец, а просветителя пастырю встречается часто.

Воинская метафора была представлена в книгах Соломона, в Псалтыри, в апостольских посланиях. Воинская метафора связывалась с описанием подвигов святых – христовых воинов. В ЖСП представлена развернутая метафора в описании благословения Стефана на святое дело в Пермь: *Препояши истинною чресла своя крепко, аки храбрыи воинъ христовъ вброниши во все оружие божественное... облецыся в броню правды и прими щит веры и шлемъ спасения и меч духовныи иже есть глгль бжии* (л. 165). Оружейная метафора с агрессивной семантикой используется при описании идолослужителей (*стрелы смертоносные и прямолучные* (л. 174)), образ оружия как защиты используется при описании миссионера.

О символичности метафор можно говорить, имея в виду слово *свет* как образ христианства, *солнце* как образ Христа. Христианство и есть свет, исходящий от солнца, а тьма – это образ безбожия. Святой подвижник – это светильник, а деятельность его носит просветительский характер: он распространяет свет. Весна как светлое время года – это торжество христианства, отсюда март – начало начал. Таким образом,

метафора в ЖСП представлена традиционными для библейской поэтики группами.

Выводы

1. «Плетение словес» во всех отношениях синтетическое литературно-языковое явление. Понять его можно, учитывая историко-религиозный и культурный контексты эпохи. Именно комплексный подход к анализу текста помогает полно и правильно описывать особенности древнерусских произведений.

2. «Плетение словес» строится на трех основных принципах организации текста: повтор, антитеза и сходство. Средства создания риторической убедительности и образности разнообразны и способны к различным преобразованиям.

3. Принцип тождества находит свое выражение в разновидностях повторов, имеющих усилительно-выделительную и ритмообразующую функции.

4. Принцип противопоставления (поляризации) реализуется с помощью различных приемов антитезы, которая позволяет обогащать семантику слова.

5. Синтаксический параллелизм используется как для выражения тождества, так и для выражения смыслового противопоставления.

6. Принцип сходства выражается при помощи системы тропов. Особым разнообразием символических приращений отличается метафора.

7. «Плетение словес» – это не набор риторических средств и приемов их употребления, не функциональный стиль (слово *стиль* здесь используется условно), а **способ создания нового типа текстов**. Словесные ряды, подчиненные принципам тождества, противопоставления и сходства, создают в тексте структурные и семантические параллели или переключения, то есть феномен «плетения словес».

Источники

Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Изд. Археографической комиссии. – Санкт-Петербург, 1897. – 112 с.

ЖСП – Многогрешна и недостойна в иноцех Епифания счино бысть Слово о Стефане бывшем епископе в Перми // Сборник старца Кирилло-Белозерского монастыря Илариона, 1644. – Л. 155–235.

Литература

1. Авласович, С. М. Поэтика повтора у Епифания Премудрого (на материале Жития Сергия Радонежского) / С. М. Авласович // Святоотеческие традиции в русской литературе. – Омск, 2005. – С. 24–31.

2. Антонова, М. Ф. Некоторые особенности стиля Жития Стефана Пермского / М. Ф. Антонова // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН. – Ленинград, 1984. – Т. 34. – С. 127–133.

3. Верещагин, Е. М. Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания / Е. М. Верещагин. – Москва, 2014. – 610 с.

4. Гаспаров, Б. М. Средневековая латинская поэтика в системе средневековой грамматики и риторики / Б. М. Гаспаров // Проблемы литературной теории в Византии. – Москва, 1986. – С. 91–169.

5. Иванова, М. В. Лексическая доминанта «Жития Стефана Пермского» / М. В. Иванова // Филологические науки. – 2007. – № 3. – С. 70–77.

6. Колесов, В. В. Древнерусский литературный язык / В. В. Колесов. – Ленинград, 1989. – 296 с.

7. Коновалова, О. Ф. Панегирический стиль русской литературы конца XIV – начала XV в (на материале Жития Стефана Пермского), написанного Епифанием Премудрым) : автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Конова О. Ф. – Ленинград, 1970. – 24 с.

8. Прохоров, Г.М. Епифаний Премудрый / Г. М. Прохоров // Словарь книжников и книжности Древней Руси.

Выпуск 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Часть 1. А – К. – Ленинград : Наука, 1988. – С. 211–220 (библиография подготовлена Н.Ф. Дробленковой).

9. Рогожникова, Т. П. Семантическая поляризация и семантическая компрессия как принципы организации текста типа «плетение словес» / Т. П. Рогожникова // Историческая стилистика русского языка. – Петрозаводск, 1990. – С. 103–112.

G.V. Sudakov

**«WEAVING WORDS» AS A WAY TO CREATE TEXT
(BASED ON THE MATERIAL OF «THE LIFE OF STEFAN OF PERM»)**

The problem of «weaving words» is considered on the material of a short edition of the «Life of Stephen of Perm», included in the Cyril collection of 1644. This work is analyzed for the first time. The problem of «weaving words» is evaluated as a literary and linguistic phenomenon which is mainly created with the repetition. The repetition can be diverse due to the choice of models and lexical and grammatical content. Three principles of «weaving words» are suggested: identity, opposition, similarity.

The history of the Russian literary language, the book-Slavic type of language, Life, three principles of «weaving words»: identity, opposition, similarity.